

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОНФЛИКТ
В ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

В. П. Кириленко¹
Г. В. Алексеев¹

Информационное пространство Балтийского региона формировалось постепенно с того момента, когда медиатеchnологии и международное право позволили свободно обмениваться трансграничными сообщениями. Международный конфликт между несколькими странами Европейского союза и Россией стал фактором, сдерживающим устойчивое развитие, отрицательно сказался на функционировании многих институтов гражданского общества в Балтийском регионе. Предметом исследования стали материалы научных средств массовой информации, отражающие те политические технологии, которые могут провоцировать конфликт, но должны способствовать установлению добрососедских отношений в регионе. Целью комплексного политологического анализа и конкретизированного осмысления контента отдельных западных научных средств массовой информации стала разработка мер по организации Россией противодействия конфликтогенному влиянию в регионе. Состояние регионального информационного пространства и информационных операций, направленных на разжигание русофобии и устранение России из общеевропейского политического процесса, отражает политизированность социально-гуманитарных наук и мифологизацию политики отдельных региональных социальных структур. Необходимость безотлагательного разрешения конфликта в региональном информационном пространстве обусловлена тем, что политические технологии, дестабилизирующие информационное пространство, наносят вред репутации всех государств, вовлеченных в данное противостояние. Преодолевать значительную часть противоречий, лежащих в основе информационного конфликта в Балтийском регионе, следует на основе учета совместных интересов и при объединении усилий в решении тех амбициозных социальных задач, которые требуют международного сотрудничества государств и эффективных форм социального партнерства.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационное пространство, медиа, национальные интересы, дипломатия, информационные операции, Балтийский регион, международное сотрудничество

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний просп. В. О., 57/43.

Поступила в редакцию 27.09.2017 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-2

© Кириленко В. П., Алексеев Г. В., 2018

Введение

Конфликт в информационном пространстве Балтийского региона стал одной из важнейших проблем во внешней политике России. Информационное пространство Балтийского региона, как показывают научные исследования, является неотъемлемой, но достаточно самобытной частью мирового медиопространства [1; 2], которое объединяет государства с разной политической ситуацией, собственной историей, национальной культурой и экономикой. Вместе с тем все страны бассейна Балтийского моря объединены общей для Европы либеральной идеологией и христианскими ценностями [3]. Обязанность государств сотрудничать, в том числе в информационной сфере, в целях улучшения благосостояния народов Европы в целом и Балтийского региона в частности получила международное признание на уровне Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и должна исполняться всеми национальными администрациями в точном соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций (ООН). К 2005 году в рамках Совета государств Балтийского моря (СВСС) благодаря последовательным усилиям европейских государств нашла свое отражение инициатива по созданию Общего информационного пространства региона Балтийского моря (Baltic Sea Common Information Space — BCIS) [4; 5], реализованная не в полной мере по политическим причинам.

В структуре Совета государств Балтийского моря в период с 2001 по 2005 год работало совещание старших должностных лиц по информационному обществу (Senior Officials on Information Society — SOIS), которое представило концепцию Общего информационного пространства региона Балтийского моря, направленную на обеспечение доступа к различным региональным источникам информации относительно экономики, торговли, инвестиций, а также развития бизнеса [4]. Данная политическая инициатива не получила в полной мере широкого практического развития и сформировавшееся естественным образом общее информационное пространство региона Балтийского моря превратилось в арену для конфликтных глобальных медиапроцессов, которые в российской и зарубежной политической доктрине достаточно часто характеризуются как информационная (гибридная) война [6—12]. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646) относит к числу национальных интересов в информационной сфере содействие формированию системы международной информационной безопасности (пп. «д» п. 8), которое чрезвычайно трудно организовать в условиях информационной войны.

Представляется справедливым мнение профессора Тартуского университета (Tartu Ülikool — University of Tartu) Вячеслава Морозова о том, что отношения между Россией и странами Балтии, являясь слабым звеном в Балтийском регионе, могут улучшаться по мере того, как в современном политическом дискурсе происходит десекуритизация национальной идентичности [13, р. 317]. Однако если в 2004 году было очевидно, что роль стран Балтии в Европе трансформировалась и они больше не рассматриваются как воплощение «ложной», антирусской Европы [13], то после событий 2014 года политическая ситуация изменилась в другую сторону. Медиaprостранство Балтийского региона подверглось фрагментации по национальному принципу [2], Россия в своей региональной политике стала в значительной степени полагаться на «мягкую силу» [14], а некоторые западные исследования прямо констатируют, что ситуация в регионе скатывается к «новой холодной войне» [15]. Европейские партнеры России опасаются пересмотра государственных границ [16] и

отмечают риск для существования ризоматических (сохраняющих культурное многообразие) информационных сетей в регионе Балтийского моря — политическом пространстве программы «Интеррег. Регион Балтийского моря 2014—2020» (The Interreg Baltic Sea Region Programme 2014—2020) [17].

Гипотеза исследования состоит в том, что политика стран НАТО в информационном пространстве Балтийского региона, продиктованная интересами политических структур, конкурирующих за авторитет в глазах мировой общественности, распространилась на некоторые научные структуры и исследования в сфере внешней политики. Американский ученый Джонатан Мерсер (Jonathan Mercer) справедливо отмечает, что престиж имеет решающее значение для мировой политики, поскольку государства, обладающие престижем, пользуются большей властью, при этом, однако, определяющие авторитет конкретной страны политические цели должны соответствовать ее возможностям [18, p. 133]. Дискурсивный анализ применяется в статье для интерпретации доктринальных политических текстов, которые в общественно-политических условиях Балтийского региона отражают комплекс политических технологий, провоцирующих конфликт в информационном пространстве.

В 2013 году для научного сообщества было очевидно, что возможности и перспективы сотрудничества России и ЕС должны стать предметом постоянного внимания и обсуждения российского и европейского экспертно-академических сообществ [19]. Однако, как показывают ведущие региональные средства массовой информации, и без того «тернистый путь к партнерству» [19, p. 53] в медиаполитике Балтийского региона после 2014 года деградировал в эксплицитный (открытый) политический конфликт. Политические технологии создания международного конфликта отражаются не только в многочисленных новостных материалах средств массовой информации [4], но и в западной научной литературе [11; 12; 20—27], которую представляется рациональным подвергнуть критическому анализу с целью демонстрации ограниченности узкого национального подхода к проблемам информационной безопасности при реализации программ региона Балтийского моря.

В то же время вне всяких сомнений «упрочение межгосударственного и межрегионального сотрудничества в Балтийском регионе» вызывает значительный научный интерес прогрессивных институтов гражданского общества [3, с. 12], объективно существует и другая политическая тенденция, направленная на создание атмосферы конфликта и недоверия. В настоящей статье проанализированы политические технологии создания западными научными средствами массовой информации «образа врага» [28] в регионе Балтийского моря. Разделяя мнение профессора К. К. Худоля о том, что «России необходимо сделать все возможное для того, чтобы не допустить возникновения [вооруженного] конфликта в регионе Балтийского моря» [29, с. 18], приходится, однако, констатировать, что международный конфликт в общеевропейском медиапространстве отрицательно сказывается на антироссийских настроениях в Прибалтике. Нормализацию отношений между всеми сторонами, вовлеченными в конфликт, по нашему мнению, следует достигать, используя естественную предпочтительность трансформации региональных политических «институтов путем насыщения их новыми практиками» [30, с. 88]. Использование метода политического моделирования в процессе создания и внедрения новых практик сотрудничества *нацелено* на формирование добрососедских отношений в Балтийском регионе за счет выявления конфликтогенов и устранения их влияния на региональную политику.

Россия и страны Европейского союза как участники международного конфликта в информационном пространстве Балтийского региона

Президент Российской Федерации В.В. Путин в интервью журналисту международного информационного агентства *Bloomberg* Дж. Миклетвейту 1 сентября 2016 года особо подчеркнул, что «Россия проводила и собирается проводить абсолютно миролюбивую внешнюю политику, направленную на сотрудничество... что касается влияния... мы вкладываем в это абсолютно мирное и позитивное содержание: влияние экономическое, гуманитарное, влияние, связанное с развитием равноправного сотрудничества с нашими соседями, — вот на что мы нацеливаем нашу внешнюю политику...» [31]. Очевидно, что для мирового сообщества символично приглашение к сотрудничеству со стороны главы российского государства, адресованное представителям мирового бизнеса, прозвучавшее в Дальневосточном федеральном университете; в этом послании существенное значение имеет авторитет медиахолдинга *Bloomberg*, способный убедить представителей бизнес-сообщества в том, что добрососедство на приморских пространствах взаимовыгодно, а военные меры решения конфликтов не соответствуют национальным интересам Российской Федерации, причиняют экономический вред всему мировому сообществу.

Стратегия разрешения имеющихся в Балтийском регионе противоречий, безусловно, определяется стремлением к справедливости — личным качеством, которое в приведенном нами выше интервью В.В. Путин обозначил как доминирующую черту менталитета россиянина и русского человека. Острая потребность в справедливом подходе к разрешению конфликта в информационном пространстве как Дальнего Востока, так и Балтийского региона проявляется в стратегической бесперспективности конфронтации между народами с общей историей, культурой и цивилизационными ценностями, стоящими перед лицом вызовов воинствующего экстремизма, терроризма, неконтролируемой миграции и цифрового разрыва в постиндустриальном, транзитивном обществе [8].

Особенности институтов медиакратии [32] и та медиаполитика, которую отражает содержание ведущих средств массовой информации, определяются идеологическими и дипломатическими аспектами национальной безопасности государств. После воссоединения России и Крыма «в национальном сознании россиян на первое место вышли проблемы самоидентификации, позиционирования себя в новом турбулентном мире» [33, с. 183]. При этом медиаполитика многих западных государств в условиях глобального информационного противоборства направлена на обретение права навязывать мировому сообществу определенное видение событий [8, с. 73].

В то время как в информационном пространстве Европейского союза принято говорить о безопасности в контексте угрозы для демократических идеалов, идущей с Востока, из России, в самой Российской Федерации крепнет понимание того, что сильное Российское государство вызывает ксенофобию у отдельных представителей политических сил государств Европейского союза. Вполне рациональны стремления народов, живущих на берегах Балтийского моря, к продуктивности политических усилий в целях достижения безопасного мира и принципиально нового, лучшего качества жизни населения региона. Однако такой подход встречает не только сдержанный оптимизм со стороны части политического истеблишмента объединенной Европы, но и откровенное

сопротивление российскому влиянию [26], которое некоторые государства и ряд представителей европейского гражданского общества предлагают нивелировать в худших изоляционистских традициях советской эпохи [22].

С 1991 года Литва, Латвия и Эстония развивают Балтийскую ассамблею и Балтийский совет без участия России. Работая вне Совета государств Балтийского моря, который был учрежден Копенгагенской декларацией 1992 года, эти небольшие государства стремятся противопоставить свою «проевропейскую» политику Российскому государству. Отсутствие всякого желания у государств Балтийского совета участвовать во взаимовыгодной кооперации по решению принципиальных политических проблем Балтийского региона и стремление не признавать русский язык и русскую культуру как важнейший элемент регионального информационного пространства порождают все больше конфликтных сообщений и документов, исходящих со стороны всех стран Европейского союза. Так, например, в Совместном заявлении по итогам 22-й сессии Балтийского совета от 28 октября 2016 года утверждается, что «страны Балтии... сожалеют, что не было никаких значительных событий относительно внедрения Минских соглашений. Эстония, Латвия и Литва продолжают поддерживать все меры, принятые ОБСЕ, ЕС и НАТО, требующие от России играть активную роль в осуществлении ее международных обязательств» [34]. Позиция государств Балтийского совета во многом препятствует международной интеграции и провоцирует эскалацию конфликта, который невыгоден большинству стран Балтийского региона. В этом конфликте, по авторитетному мнению российского социолога Р. Х. Симоняна, «некритичность восприятия новых мифов как одной, так и другой стороной в значительной мере объясняется существованием двух изолированных информационных пространств» [1, с. 105], при этом с высокой степенью вероятности «ложные стереотипы массового сознания становятся питательной средой для эскалации межэтнического противостояния» [1, с. 105].

Необходимо отметить, что социально-экономические и идеологические проблемы Европы [35] напрямую затрагивают медиаиндустрию в регионе. В рамках Совместного заявления по итогам 22-й сессии Балтийского совета отмечается, что «Эстония, Латвия и Литва подтверждают готовность способствовать инициативам, которые поощряют СМИ, предлагать общественности высококачественную, ответственную, надежную и независимую журналистику... В частности, страны Балтии продолжают сотрудничать, чтобы исследовать лучшие пути обращения к тем частям общества, к которым не легко получить доступ из-за языкового барьера и различного потребления мультимедийного контента» [34]. Подобные заявления констатируют определенный уровень компетентности тех журналистов, которым не удается установить понимание с их целевой аудиторией, читающей по-английски и по-русски материалы зарубежных для Прибалтики изданий.

Анализ современных политических технологий управления конфликтом в информационном пространстве Балтийского региона

Неоднозначность ситуации в информационном пространстве Балтийского региона становится все более очевидной для ученых европейских государств и институтов, заинтересованных в конструктивном сотрудничестве с русскими. Профессор Университета Хельсинки Кристи Раик (Kristi Raik) отмечает, что «вопреки некоторым ожиданиям присоединение стран Балтии к ЕС в 2004 году не сопровождалось улучшением их отношений с Россией. Вместо этого

страны Балтии стали известны как «нарушители спокойствия» в отношениях ЕС и России. Это обычно объясняется их историей и национальным самосознанием, которое способствовало пониманию балтийских проблем маргинальным образом» [25, р. 237].

Политическая близорукость государств, которые принципиально обеспокоены самим присутствием Русского мира непосредственно в Прибалтике и возможностью интеграции России в политическое пространство от Лиссабона до Владивостока, сопровождается обвинениями в адрес Российского государства в имперских амбициях [11; 23; 27; 36]. Вся абсурдность антисоветской риторики в новостных медиа на постсоветском пространстве Прибалтики получила достойную научную оценку в работах российских ученых О.И. Вендиной, В.А. Колосова, А.Б. Себенцова [37]. Конфликт в информационном пространстве Прибалтики в социально-политическом плане действительно приводит к тому, что «противоречия между политическим дискурсом и социально-экономическими реалиями, расхождение информации, черпаемой из телевизора и учебников, со сведениями, распространяемыми через Интернет и получаемыми из личного опыта, способствуют не столько укреплению патриотизма и национально-государственной идентичности, сколько скептическому отношению к событиям прошлого и настоящего» [37, с. 90]. Конфликтогенное влияние ряда прибалтийских научных медиа, которое заслуживает самостоятельной доктринальной оценки, вызывает еще большие опасения в силу того, что это явление нельзя списать на популизм и низкую квалификацию журналистов.

Еще в начале XXI века значительной части российского и зарубежного научного сообщества представлялось, что основные проблемы оценки безопасности Балтийского региона связаны с вступлением Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО [35]. Политические элиты этих государств до сих пор рассматривают участие в НАТО как основную гарантию национальной безопасности [12]. Политическая враждебность по отношению к России со стороны отдельных польских ученых, предлагающих новую трактовку термина «антидипломатия» [23], исследования некоторых финских политологов, придающих термину «демократия» антироссийское содержание в рамках статей с экстравагантными названиями [26], западная позиция по отношению к судьбе Крыма [34] — опасные проявления неспособности некоторых европейцев считать с последствиями политических трансформаций, происходящих в России.

В то время как Россия больше других стран заинтересована в содействии мирового сообщества в деле решения проблем качества жизни населения, мы сталкиваемся с парадоксальным желанием некоторых зарубежных ученых доказать, что Польша, Литва, Финляндия и ряд других стран не несут ответственности за политическую ситуацию в Прибалтике и проблемы в реализации политической программы развития региона Балтийского моря ввиду того, что именно Россия является источником всех политических проблем. Эта одиозная и подрывная политическая позиция, весьма далекая, как представляется, от социальной науки и тем более от дипломатии, осуществляется конкретными субъектами, заинтересованными в углублении существующих противоречий, вплоть до реального реванша фашистов, чьим изобретением и была «парадипломатия» [20].

Профессор из Университета Страны Басков в Бильбао (Испания) Ной Корнаго (Ное Сорнаго) пишет о позитивной коннотации термина «антидипломатия» как способа подчеркнуть достоинства откровенного и прямого общения в сравнении с дипломатической формальностью в контексте политических воззрений Джузеппе Гарибальди (Giuseppe Garibaldi). Впоследствии за новыми смысловыми значениями в рамках идеологии футуризма, а затем фашизма ис-

чезает всякая положительная коннотация данного понятия и его использование «заряжено негативным содержанием» [38, р. 23]. Антидипломатия — результат внутриевропейских противоречий. Проблема дипломатических отношений России со странами ЕС мало чем отличается от межгосударственных отношений внутри самого ЕС. Защищая собственные национальные интересы, правительства европейских государств достаточно часто применяют двойные стандарты в отношении наиболее сложных внешнеполитических проблем, затрагивающих вопросы миграции населения, территориальной целостности государств и некоторых других политически и экономически значимых вопросов. Объективные различия в организации народного хозяйства России и экономики государств ЕС (языковые барьеры, экологические стандарты, подходы к безопасности, особенности государственного управления, принципы работы судебной системы и т.п.) создают условия для дискриминации, недоверия и глубоких политических конфликтов.

В информационном пространстве Прибалтики формируется наивный образ России, якобы отягощенной традициями византийского коллективизма, чуждыми остальной Европе и США [39]. От американских ученых исходят утверждения о том, что президент Российской Федерации В. В. Путин достигает своих целей, соединяя императивную и мягкую силу с элементами пропаганды в советском стиле [36]. Принципиальное отличие дипломатии В. В. Путина от идеалов «антидипломатии» Дж. Гарибальди состоит в непризнании современного состояния политических дел в США и Великобритании эталоном справедливости. Стремление России развиваться в контексте национальной культуры без необдуманного подражания кому-либо вызывает обвинения в имперских амбициях со стороны ряда достаточно авторитетных в странах Балтийского совета политиков и ученых, которые в силу собственных стереотипов уверены в том, что Европа в целом и регион Балтийского моря в частности могут устойчиво развиваться без России [5; 11; 12; 21; 22; 24; 27; 41]. После распада СССР Россия гармонично вписалась в европейскую политику, разделяет европейские ценности, участвует в международном общении и постепенно расширяет сферу своего политического влияния, при этом по мере усиления Российского государства отношения с европейскими странами и НАТО постепенно ухудшаются [35].

Конфликтная среда в европейском медиапространстве формируется благодаря внедряемому в массовое сознание комплексу фиктивных угроз, таких как реванш русского большевизма, имперские амбиции русских и опасность российской военной агрессии в отношении государств в регионе Балтийского моря [26; 27; 31]. Противодействие устрашающим мифам о России представляется чрезвычайно важным условием нормализации отношений в информационном пространстве региона. Примером конструктивного общения в Балтийском регионе стала работа Центра исследований ЕС — Россия (CEURUS) Института политических исследований имени Юхана Шютте, созданного в Тартуском университете (Johan Skytte Institute of Political Studies at the University of Tartu), однако его работа не может в полной мере успешно осуществляться, на наш взгляд, без подключения к проектам ведущих российских научных учреждений, ученых и студентов из России.

Наше внимание к научным исследованиям американского Университета Джона Хопкинса (Johns Hopkins University) и Института международных отношений и политологии Вильнюсского университета обусловлено конфликтогенным содержанием значительной части тех политологических изысканий по российской проблематике, которые финансируются данными институтами. Аналогичные конфликтогенные политические структуры работают в Польше,

Швеции, Финляндии, порождая значительное число антироссийских текстов в попытке переложить политическую ответственность за качество национальной политики с политического класса каждой страны Балтийского региона на Российское государство. Проблемы в отношениях народов на Балтике носят, как представляется, частный институциональный характер, производный от заинтересованности конкретных учреждений в разжигании тех противоречий, которые исторически сложились и сами по себе не являются критическими угрозами для функционирования общего регионального информационного пространства.

Исследования Университета Джонса Хопкинса, традиционно проявляющего особое внимание к интересам внешней политики США, после 2014 года перешли от внешне нейтральных форм вмешательства в информационное пространство Балтийского региона посредством таких аналитических материалов, как сборник статей «Региональное развитие в регионе Балтийского моря» [42], к откровенному противопоставлению России и НАТО. Так, например, шведский ученый, специалист в области военной истории России Гудрун Перссон (Gudrun Persson), позиционируя политику России как угрозу региональной безопасности в статье «Россия и безопасность Балтийского моря», всерьез обеспокоена тем фактом, что «Россия не только повысила уровень агрессивности поведения в отношении ядерного оружия вокруг Балтийского моря, но и использует беспрецедентную во всей российской и советской истории риторику в отношении ядерного вооружения» [24, р. 14]. Такие, очевидно абсурдные, «научные» перспективы применения атомного оружия в Балтийском регионе используются американским институтом для формирования антироссийских настроений на Балтике и легитимируют присутствие американских военных в регионе.

Знакомство с исследованиями ведущих специалистов по России Института международных отношений и политической науки Вильнюсского университета [12; 40; 43; 45] демонстрирует мифологизацию образа врага в лице России и политических проблем новейшей истории, что продолжает традиции, заложенные З.К. Бзежинским (Zbigniew Kazimierz Brzeziński), который, как известно, был почетным профессором Вильнюсского университета. Один из ведущих политологов Вильнюсского университета Томас Джанелиюнас (Tomas Janeliūnas) пишет: «Подавляющее число экспертов полагает, что Россия стремится получить статус сверхдержавы и изменить правила международной системы» [40]. Эксперты Института исследования внешней политики (The Foreign Policy Research Institute — FPR) пришли к таким выводам, не участвуя в академическом обмене с Россией и без каких-либо обстоятельных доказательств утверждают, что «Россия рассматривает ЕС как конкурента... не видит Европу в качестве единого или даже суверенного действующего лица в международной системе» [40]. Заметим, что Россия географически является неотъемлемой частью Европы, а Европа юридически не обладает суверенитетом, и эти факты всем экспертам и субъектам политического процесса необходимо учитывать во внешней политике.

Руководитель Центра российских и восточноевропейских исследований Вильнюсского университета Д. Якниунайте (Dovile Jakniunaite), признавая полную бесперспективность литовских претензий относительно компенсации последствий «советской оккупации Литвы» ввиду того, что «Литве трудно получить международную поддержку своих требований компенсации», справедливо отмечает, что ни одна страна Восточной Европы не потребовала «компенсацию за убытки, причиненные во время советской оккупации» [22, s. 165]. Анализируя проблему «советской оккупации» в своих исследованиях, Д. Як-

ниунайте [21; 22] замалчивает очевидный факт того, что всякая дискуссия о судьбе Польши и Прибалтийских государств должна происходить в контексте международно-правовых последствий Второй мировой войны, которые не подлежат пересмотру. Осознавая, что «без вклада России невозможно изменить литовско-российские отношения» [22, s. 165], литовская сторона не пытается заинтересовать Россию в конструктивном сотрудничестве. Вместе с тем Д. Якниунайте в духе научного исследования признает, что ситуация в Прибалтике находится «под сильным влиянием динамики русско-американских отношений и отношений России с ЕС, но события в отношениях России с США и ЕС обычно не связываются с целями и интересами Литвы и иногда даже подрывают их» [22, s. 165].

Другой представитель центра российских и восточно-европейских исследований Вильнюсского университета Ремигиус Жилинскас (Remigijus Žilinskas) предлагает явный абсурд — обеспечивать безопасность Литвы за счет «союзной силы, мобилизационного резерва и разработки национальных концепций вооруженного и невооруженного сопротивления» гибридной угрозе, исходящей со стороны России [12]. Представляется очевидным, что политизированный подход к проблеме транслируется через научные источники, но при этом является несостоятельным и контрпродуктивным.

Известный прибалтийский политолог профессор Г. Виткус (Gediminas Vitkus) последовательно выражает скептицизм в отношении вопроса о самой возможности нормализации российско-литовских отношений [11; 27]. Получивший философское образование в Московском государственном университете в советское время, профессор Г. Виткус преследует совершенно конкретные цели, когда в 2009 году в журнале Университета Саппоро (Япония) пишет: «В то время как многие европейские страны все еще питают определенные иллюзии в отношении России, литовские политики и широкая публика этого не делают. В силу определенного исторического опыта литовцы вообще не испытывают никаких сомнений в том, что Россия предпримет попытки использовать свои новые преимущества, которые появились из-за значительного увеличения цен на источники энергии. Не для экономического развития, не для благосостояния своих людей, а для политического господства и мести за проигранную холодную войну» [27, p. 25]. Такое искреннее желание оказаться на передовой глобального политического противостояния странно для сравнительно небольшой страны и удивительно для ученого, учившегося и работавшего в проигравшем холодную войну государстве. Таким образом, примеры политических манипуляций при помощи научных медиа демонстрируют попытку конкретных лиц видеть конфликт в информационном пространстве Балтийского региона только с выгодной для инвесторов в такую науку стороны.

Пути разрешения международного конфликта в информационном пространстве Балтийского региона

Культурная идентичность народов Балтийского региона ярко проявляется в процессе взаимодействия в рамках общего информационного пространства. При этом информационное пространство на практике формируется системой информационных сетей связи общего пользования, которые функционируют по общим техническим правилам на основе единых политико-правовых принципов, обеспечивают удовлетворение информационных потребностей населения, гарантируют реализацию прав и свобод человека в информационной сфере.

Случилось так, что Балтийский регион оказался в эпицентре духовного конфликта романских и эллинистических общеевропейских ценностей, который не имеет однозначного решения. По объективным экономическим и социально-культурным причинам в Балтийском регионе многие европейские инновационные мультимедийные проекты (Euronews, European Broadcasting Union, Erasmus +) реализуются с российским участием [8, с. 265], а российские средства массовой информации и культурные форумы успешно функционируют в крупных городах с русскоязычным населением в условиях свободной конкуренции [35; 46]. Однако этот позитивный факт всегда будет вызывать русофобию, но только у тех представителей романской культуры, кто ориентирован на праворадикальную систему ценностей.

В условиях изменившейся политической ситуации конфликт между нарождающейся российской демократией и социальными группами с ретроградным мышлением, привычками зарабатывать политический капитал на международной конфронтации в Европе, стал гулким эхом холодной войны, лишенным всякой прогрессивной перспективы. Объективно существующие противоречия в экономических интересах и производственных стандартах государств региона Балтийского моря должны были сглаживаться в процессе постепенной общеевропейской, евразийской интеграции. Вместо этого под влиянием ряда стереотипов в информационном пространстве региона актуализировались конфликты, в основе которых лежит стремление защитить интересы малых народов ценой дискриминации широкого круга европейцев, говорящих по-русски. Очевидно, что для реализации позитивного потенциала культурного многообразия Балтийского региона «необходимы действенные, отличные от мультикультурализма и ассимиляции, модели организации межкультурных отношений» [47].

В контексте транспарентности глобального медиапространства и различия политических культур [43] большое значение приобретает политическое видение собственных национальных интересов каждым государством Балтийского региона. В ситуации, когда «стирание граней между национальными государствами... нивелирование родственных связей и привязанности к родной земле... подводят к восприятию патриотизма как иррационального чувства» [44, с. 67], патриотическое воспитание молодежи в России необходимо осуществлять в контексте многовековой истории государства [48, с. 31], с учетом исторических особенностей международных отношений в Балтийском регионе [3]. Здесь конструктивной представляется позиция профессора Ж. Т. Тощенко, который последовательно ратует «за то, чтобы любой человек, имея гражданство своей страны, мог свободно жить, работать и перемещаться по территории бывшего СССР или СНГ и в то же время выполнять обязанности гражданина той страны, где в данный момент этот человек живет и работает» [49, с. 30].

Угрозы военно-политического характера возникают в условиях, при которых национальные интересы отдельных государств приобретают экстремистское антиобщественное содержание, противопоставляются общеевропейским ценностям и интересам представителей гражданского общества, заинтересованным в устойчивом развитии региона, формируют «видимость войны» [6, с. 46]. Социальная дискриминация способна порождать острые конфликты на национальном и международном уровнях, которые по законам социальной динамики информационного общества зарождаются в социальных сетях и затем проявляются в недемократических формах протестного движения, агрессивной внешней политике. Во многом в результате того, что «политическое

медиапространство начинает существовать не только в реальных, но и в виртуальных контентах» [50], «безусловный имидж демократии, формируемой в Европе... пошатнулся» [43, с. 52]. Восстановление демократических идеалов требует отказа от политики мультикультурализма и формирования единой системы ценностей и идеалов в процессе социального партнерства государств и институтов гражданского общества в сфере образования и культуры.

Преодоление коллективной социальной травмы на постсоветском пространстве — необходимое условие решения конфликта в информационном пространстве Балтийского региона. Наблюдения профессора А.Г. Здравомышлова показали, что «взгляд на общество только через призму травмированного сознания, как правило, искажает общую картину рассматриваемого общества. Здоровое общество находит в себе силы к преодолению травмы не только за счет деятельности СМИ... но прежде всего с помощью иной композиции социального действия, которое создает социальную базу преодоления травматического сознания» [51, с. 9]. В этом смысле неспособность национальных администраций нормально взаимодействовать в региональном медиапространстве может значительно усугубить кризисное состояние в обществе. Поскольку страны Балтийского региона объединяют общие традиции и интересы сохранения культурного многообразия [3; 52], постольку преодоление противоречий травмирующего прошлого народов Балтийского региона (последствий международных вооруженных конфликтов и политического радикализма на национальном уровне) требует консолидации усилий научного сообщества в понимании необходимости добрососедства.

Существует определенный положительный опыт сотрудничества России и ЕС в сфере профессиональной журналистики. Телеканал *Euronews* является важным сегментом общего информационного пространства региона Балтийского моря, поскольку это средство массовой информации благодаря гибкости своей редакционной политики доступно массовому зрителю во всех без исключения странах региона. Соглашение о сотрудничестве Российской Федерации с *Euronews* было заключено 29 июня 2001 года. На основе договора Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК) приобрела 1,8% акций в консорциуме *Secemie* и вошла в число акционеров канала; в дальнейшем доля ВГТРК в консорциуме превысила 16%. В то время как независимость и объективность редакционной политики *Euronews* гарантируется французским законодательством, акционерами телеканала являются более двадцати общественных и государственных телекомпаний стран Европы и Средиземноморья. Крупнейшие пакеты принадлежат таким ведущим национальным медиахолдингам, как *France Televisions* (Франция), *RAI* (Италия), *ВГТРК* (Россия) [8, с. 266].

Заключение

Несомненно, актуальными для Балтийского региона составляющими устойчивого развития является информационное сотрудничество по вопросам охраны здоровья и улучшения качества жизни населения, противодействия экологическим угрозам и обмен мнениями по проблемам глобальных климатических изменений [53, с. 160]. Поэтому, на наш взгляд, особое значение для установления добрососедских отношений может иметь взаимовыгодное региональное сотрудничество в конкретных областях практической работы государственных структур и институтов гражданского общества. В этом контексте представляется необходимым дополнить пункт 23 раздела V «Стратегические

цели и основные направления обеспечения информационной безопасности» Доктрины информационной безопасности Российской Федерации региональным компонентом — системой защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей посредством повышения авторитета российских научных учреждений и средств массовой информации в Европе.

Общее информационное пространство предполагает консолидацию прогрессивной общественности вокруг медийной повестки региональных городов-мегаполисов. Со своей стороны, Санкт-Петербург — самый крупный город на побережье Балтийского моря — заинтересован в повышении своей глобальной конкурентоспособности как научный, академический, культурный и промышленный центр, обладающий некоторыми конкурентными преимуществами в регионе, «которые определяются его демографическим потенциалом, грузооборотом портов, а также выгодным геоэкономическим положением — статусом “морских ворот” России» [54, с. 71]. Для противодействия выявленным конфликтогенным тенденциям в Балтийском регионе необходимо развитие в геополитических центрах российских некоммерческих организаций, способных оказывать влияние на политическую повестку в регионе. Политическая модель, при которой диалог с теми, кто распространяет русофобию, ведут близкие по своему правовому статусу политические структуры, может положительно влиять на поддержку авторитета Российской Федерации как правового государства.

Достижение идеалов Совета Европы в российских мегаполисах способно превратить формирующуюся Балтийскую Европу без границ в экономический и культурный центр европейского континента. Вне всяких сомнений, идеалы Совета Европы должны модернизироваться в направлении учета лучших культурных и правовых традиций России. Положительные изменения в модели взаимодействия России и Совета Европы произойдут только при условии заинтересованности европейских партнеров в соблюдении российских интересов. Представляется рациональным сформировать модель взаимодействия российских некоммерческих организаций с существующими прогрессивными и регрессивными (конфликтогенными) структурами в ЕС посредством создания рекомендательных норм российского корпоративного права в информационной и научной сфере, определяющих круг тех ответственных и добросовестных партнеров в Балтийском регионе, с которыми необходимо устанавливать системные и предметные коммуникативные связи.

Решение задачи по созданию российских научных информационных сетей, пользующихся авторитетом в Европе, достижимо только при условии оптимальной реализации имеющегося в Балтийском регионе интеллектуального потенциала, который до сих пор находит недостаточное применение в рамках конструктивных начинаний, не получает должных возможностей и материального поощрения для гарантированного лидерства российских мегаполисов в современной международной системе. Создание привлекательной для человека социально-культурной среды не предполагает конфликтов на национальной почве и достигается в результате взаимопонимания, обусловленного общностью интересов и трендом международной интеграции в постиндустриальную эпоху.

Список литературы

1. *Симомян Р.Х.* Балтийские масс-медиа: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. 2004. №2. С. 98—105.
2. *Hjelm T., Vaher Ü.* Finlandisation or media logic? The Estonian — Russian border incident of 2014 in Finnish, Estonian and British press // Media, Culture & Society. 2017. Vol. 40, №7. P. 1024—1038. doi: 10.1177/0163443717745146.

3. Клемяшев А. П., Кретинин Г. В., Федоров Г. М. и др. Балтийский регион в Новое и Новейшее время: история и региональная политика : монография. Калининград, 2016.
4. Annual Report from the Committee of Senior Officials The 14th Year of the Council's Activity 2005—2006. URL: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2013/03/Annual-Report-2005-2006.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).
5. *Mizerska-Wrotkowska M.* Poland and Sweden in the United Europe. Schedas, S.L. 2015.
6. Громогласова Е. С. Визуально-образный контекст военного контртерроризма // Мировая экономика и международные отношения. 2017. №5. С. 45—56. doi: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-45-56.
7. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Проблема борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны // Управленческое консультирование. 2017. №4 (100). С. 14—30. doi: 10.22394/1726-1139-2017-4-14-30.
8. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Международное право и информационная безопасность государств : монография. СПб., 2016.
9. *Ratray G. J.* Strategic Warfare in Cyberspace. MIT Press, 2001.
10. *Ventre D.* Information Warfare. L., 2009.
11. *Vitkus G.* Diplomatine aporija: tarptautinė Lietuvos ir Rusijos santykių normalizacijos perspektyva. Vilnius, 2006.
12. *Žilinskas R.* Valstybės Atsparumas Išorinėms Hibridinio Pobūdžio Grėsmėms: Hipotetinis Modelis // Politologija. 2017. №3 (87). doi: 10.15388/Polit.2017.3. 10856.
13. *Morozov V.* Russia in the Baltic Sea Region Desecuritization or Deregionalization? // Cooperation and Conflict. 2004. Vol. 39, №3. P. 317—331. doi: 10.1177/0010836704045207.
14. *Sergunin A. A., Karabeshkin L. A.* Understanding Russia's Soft Power Strategy // Politics. 2015. Vol. 35, №3—4. P. 347—363. doi: 10.1111/1467-9256.12109.
15. *Yiangou G.* Toward a New Cold War: NATO Enlargement, Russia, and the Baltic States // Katsikides S., Hanappi H. (eds.). Society and Economics in Europe. Springer, Cham., 2016. doi: 10.1007/978-3-319-21431-3_12.
16. *Gaufman E.* (Re)drawing Boundaries: Russia and the Baltic States // Makarychev A., Yatsyk A. (eds.). Borders in the Baltic Sea Region. Palgrave ; L., 2017. doi: 10.1057/978-1-352-00014-6_11.
17. *Huhtinen A. M.* The Baltic Sea Region: From a Hinge Between Russia and the West to a Rhizomatic Information Channel // Ibid. doi: 10.1057/978-1-352-00014-6.
18. *Mercer J.* The Illusion of International Prestige International Security 2017. Vol. 41, iss. 4. P. 133—168. doi: 10.1162/ISEC_a_00276.
19. *Makarychev A. S., Sergunin A. A.* Russia's Role in Regional Cooperation and the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR) // Journal of Baltic Studies. 2017. Vol. 48, iss. 4. P. 465—480. doi:10.1080/01629778.2017.1305186.
20. *Der Derian J.* Antidiplomacy: Spies, Terror, Speed, and War. Oxford, 1992.
21. *Jakniunaite D.* A Small State in the Asymmetrical Bilateral Relations: Lithuania in Lithuanian-Russian Relations Since 2004 // Baltic Journal of Political Science. 2015. №4. P. 70—93. doi: 10.15388/BJPS.2015.0.8880
22. *Jakniunaite D., Vilpishauskas R.* Lithuanian-Russian Relations in 1991—2011 // Восточная Европа. Перспективы. 2012. №1—2. P. 165—179.
23. *Kuczyńska-Zonik A.* Antidiplomacy in Russia's Policies Regarding Russian-Speakers in the Baltic States // Baltic Journal of Political Science. 2016. №5. P. 89—104. doi: 10.15388/BJPS.2016.5.10338.
24. *Persson G.* Russia and Baltic Sea security // Baltic Sea security. How can allies and partners meet the new challenges in the region? / A.-S. Dahl. (ed.). Copenhagen, 2015. P. 13—17.
25. *Raik K.* Liberalism and geopolitics in EU — Russia relations: rereading the “Baltic factor” // European Security. 2016. Vol. 25, №2. P. 237—255. doi: 10.1080/09662839.2016.1179628.
26. *Saari S.* Russia's Post-Orange Revolution strategies to increase its influence in Former Soviet Republics: Public diplomacy po russkii // Europe-Asia Studies. 2014. Vol. 66, №1. P. 50—66. doi: 10.1080/09668136.2013.864109.

27. *Vitkus G.* Russian Pipeline Diplomacy: A Lithuanian Response // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Vol. 26. P. 25—46.
28. *Ачкасов В. А.* Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, №1. С. 106—128.
29. *Худолей К. К.* Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки // *Балтийский регион*. 2016. Т. 8, №1. С. 7—25.
30. *Ильин М. В.* Слоеный пирог политики: рецепты и импровизации // *Полис. Политические исследования*. 2016. №1. С. 88—103. doi: 10.17976/jpps/2016.01.07.
31. *Путин В. В.* Интервью международному информационному холдингу Bloomberg. 5 сентября 2016 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52830> (дата обращения: 13.04.2018).
32. *Соловьев А. И.* Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // *Полис. Политические исследования*. 2004. №2. С. 124—132.
33. *Чугров С. В.* Российская политика сквозь призму социологических замеров // Там же. 2016. №5. С. 183—191. doi: 10.17976/jpps/2016.05.16.
34. *Joint Statement of the 22nd Baltic Council*. Riga, October 28, 2016. URL: http://www.baltasam.org/images/2016/Session/Joint-Statement_Baltic-Council_FINAL.pdf (дата обращения: 13.04.2018).
35. *Чугров С. В.* Россия и Европа: диалог о ценностях в пространстве цивилизации // *Полис. Политические исследования*. 2015. №4. С. 157—169. doi: 10.17976/jpps/2015.04.13.
36. *Conley H. A., Gerber T. P.* Russian soft Power in 21st century: an examination of Russian compatriot policy in Estonia. Washington, 2011.
37. *Вендина О. И., Колосов В. А., Себенцов А. Б.* Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства? // *Международные процессы*. 2014. Т. 12, №36—37. С. 76—92.
38. *Cornago N.* Plural Diplomacies: Normative Predicaments and Functional Imperatives. Leiden, 2013.
39. *Mihkelson M.* Baltic-Russian Relations in Light of Expanding NATO and EU // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2003. №2 (11). P. 270—277.
40. *Janeliunas T.* Russia's Foreign Policy Scenarios: Evaluation by Lithuanian Experts // *Baltic Bulletin*. November, 2016. URL: <https://www.fpri.org/article/2016/11/russias-foreign-policy-scenarios-evaluation-lithuanian-experts/> (дата обращения: 13.04.2018).
41. *Sherr J.* Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia's Influence Abroad. L., 2013.
42. *Regional Development and the Baltic Sea Region / Branka T., Bernaciak A. (eds.)*. The Baltic University Programme. Uppsala University, 2014.
43. *Федотова В. Г.* Различия политических культур и международные конфликты // *Полис. Политические исследования*. 2015. №1. С. 44—54.
44. *Халий И. А.* Патриотизм в России: опыт типологизации // *Социологические исследования*. 2017. №2. С. 67—74.
45. *Huhtinen A. M.* The Baltic Sea Region: From a Hinge Between Russia and the West to a Rhizomatic Information Channel // *Makarychev A., Yatsyk A. (eds.)*. Borders in the Baltic Sea Region. L., 2017. doi: 10.1057/978-1-352-00014-6.
46. *Olaniyi E. O., Prause G. K.* Baltic-Russian Innovation Cooperation in the Context of EU Eastern Partnership // *Kerikmäe T., Chochia A. (eds.)*. Political and Legal Perspectives of the EU Eastern Partnership Policy. Springer, Cham., 2016. doi: 10.1007/978-3-319-27383-9_17.
47. *Цапенко И. П., Монусова Г. А.* Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах // *Полис. Политические исследования*. 2017. №4. С. 90—105. doi: 10.17976/jpps/2017.04.07.
48. *Константинов С. А.* История, концепции и технологии воспитания патриотизма и готовности к защите отечества // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. №112. С. 29—36.
49. *Тоценко Ж. Т.* Постсоветское пространство: как жить вместе, живя врозь // *Социальная политика и социология*. 2011. №11 (77). С. 23—35.
50. *Шарков Ф. И.* Визуализация политического медиапространства // *Полис. Политические исследования*. 2016. №5. С. 97—107. doi: 10.17976/jpps/2016.05.08.

51. *Здравомыслов А.Г.* Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания // Социологические исследования. 2008. №8. С. 3—18.
52. *Федоров Г.М., Разумовский В.М., Кузнецова Т.Ю., Гуменюк Л.Г.* Размещение и динамика численности населения приморских городов на Балтике // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149, №6. С. 14—24.
53. *Троицкий В.А.* Институциональные механизмы межгосударственного сотрудничества в свете меняющейся геополитической реальности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №104. С. 156—169.
54. *Балашов А.И.* Оценка перспектив развития туристической дестинации Санкт-Петербурга // Управление консультирование. 2016. №5 (89). С. 75—80.

Об авторах

Виктор Петрович Кириленко, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: kirilenko-vp@sziu.ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Георгий Валерьевич Алексеев, кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: alekseev-gv@sziu.ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3720-0105>

Для цитирования:

Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Политические технологии и международный конфликт в информационном пространстве Балтийского региона // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №4. С. 20—38. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-2.

POLITICAL TECHNOLOGIES AND INTERNATIONAL CONFLICTS IN THE INFORMATION SPACE OF THE BALTIC SEA REGION

V. P. Kirilenko¹

G. V. Alexeyev¹

¹ *North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
57/43 Sredny Prospekt V. O., Saint Petersburg, 199178, Russia*

Submitted on September 27, 2017

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-2

The information space of the Baltic region has gradually developed since the free exchange of cross-border messages was made possible by media technology and international law. The international conflict between Russia and some countries of the European Union has

become a factor hampering its sustainable development. Moreover, the conflict has adversely affected the functioning of many civil society institutions in the Baltic Sea region. This study focuses on the publications in the scientific media associated with the political technologies that may provoke conflict but must contribute to good-neighbourly relations in the region. We carry out a comprehensive political analysis and a specific examination of the Western scientific media to develop a package of measures that Russia can take to counter the conflict-provoking influences in the region. The current condition of the regional information space and information operations aimed at inciting Russophobia and forcing Russia out of the European political process is indicative of the politicisation of social sciences and the humanities and of the mythologisation of the policies of the regional social structures. The conflict must be urgently resolved, since the political technologies, which cause instability in the information space, damage the reputations of all the states involved. To reconcile the differences that underlie the information conflict in the Baltic region it is necessary to take into account common interests. There is a pressing need to join efforts in solving the challenging social problems that cannot be overcome without either international cooperation among the countries or effective social partnership.

Keywords: information security, Baltic Sea common information space, media, national interests, diplomacy, information operations, Baltic region, international cooperation

References

1. Simonyan, R. Kh. 2004, Baltic media: the dynamics of the last decade, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], no. 2, p. 98—105 (in Russ.).
2. Hjelm, T., Vaher, Ü. 2017, Finlandisation or media logic? The Estonian — Russian border incident of 2014 in Finnish, Estonian and British press, *Media, Culture & Society*, Vol. 40, no. 7, p. 1024—1038. doi: 10.1177/0163443717745146.
3. Klemeshev, A. P., Kretinin, G. V., Fedorov, G. M. et al. 2016, *Baltiiskii region v Novoe i Noveishee vremya: istoriya i regional'naya politika* [Baltic region in the New and Newest time: history and regional policy], Kaliningrad, 322 p. (in Russ.).
4. Annual Report from the Committee of Senior Officials The 14th Year of the Council's Activity 2005—2006, *The Council of the Baltic Sea States*, available at: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2013/03/Annual-Report-2005—2006.pdf> (accessed 15.06.2017).
5. Mizerska-Wrotkowska, M. 2015, Schedas, S. L. (ed.) *Poland and Sweden in the United Europe*, 256 p.
6. Gromoglasova, E. S. 2017, The visual-figurative context of military counterterrorism, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 5, p. 45—56. doi: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-45-56 (in Russ.).
7. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. 2017, The problem of fighting extremism in the conditions of information war, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], no. 4 (100), p. 14—30. doi: 10.22394/1726-1139-2017-4-14-30 (in Russ.).
8. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. 2016, *Mezhdunarodnoe pravo i informatsionnaya bezopasnost' gosudarstv* [International Law and Information Security of States], St. Petersburg, 396 p. (in Russ.).
9. Rattray, G. J. 2001, *Strategic Warfare in Cyberspace*, MIT Press, 480 p.
10. Ventre, D. 2009, *Information Warfare*, London, 320 p.
11. Vitkus, G., 2006, *Diplomatinė aporija: tarptautinė Lietuvos ir Rusijos santykių normalizacijos perspektyva*, Vilnius, 212 p.
12. Žilinskas, R. 2017, Valstybės Atsparumas Išorinėms Hibridinio Pobūdžio Grėsmėms: Hipotetinis Modelis, *Politologija*, no. 3 (87). doi: 10.15388/Polit.2017.3.10856.
13. Morozov, V. 2004, Russia in the Baltic Sea Region Desecuritization or Deregionalization? *Cooperation and Conflict*, Vol. 39, no. 3, p. 317—331. doi: 10.1177/0010836704045207.
14. Sergunin, A. A., Karabeshkin, L. A. 2015, Understanding Russia's Soft Power Strategy, *Politics*, Vol. 35, no. 3—4, p. 347—363. doi: 10.1111/1467-9256.12109.

15. Yiangou, G. 2016, Toward a New Cold War: NATO Enlargement, Russia, and the Baltic States. In: Katsikides, S., Hanappi, H. (eds.) *Society and Economics in Europe*, Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-319-21431-3_12.
16. Gaufman, E. 2017, (Re)drawing Boundaries: Russia and the Baltic States. In: Makarychev, A., Yatsyk, A. (eds.). *Borders in the Baltic Sea Region*, Palgrave, London, doi: 10.1057/978-1-352-00014-6_11.
17. Huhtinen, A. M. 2017, The Baltic Sea Region: From a Hinge Between Russia and the West to a Rhizomatic Information Channel. In: Makarychev, A., Yatsyk, A. (eds.). *Borders in the Baltic Sea Region*, Palgrave, London, 271 p. doi: 10.1057/978-1-352-00014-6.
18. Mercer, J. 2017, *The Illusion of International Prestige International Security*, Vol. 41, no. 4, p.133—168. doi: org/10.1162/ISEC_a_00276.
19. Makarychev, A. S., Sergunin, A. A. 2017, Russia's Role in Regional Cooperation and the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR), *Journal of Baltic Studies*, p. 465—479. doi: 10.1080/01629778.2017.1305186.
20. Der Derian, J. 1992, *Antidiplomacy: Spies, Terror, Speed, and War*, Oxford, Blackwell Publisher, 220 p.
21. Jakniunaite, D. A. 2015, Small State in the Asymmetrical Bilateral Relations: Lithuania in Lithuanian-Russian Relations Since 2004, *Baltic Journal of Political Science*, no. 4, p. 70—93. doi: 10.15388/BJPS.2015.0.8880.
22. Jakniunaite, D., Vilpishauskas, R. 2012, Lithuanian-Russian Relations in 1991—2011, *Vostochnaya Evropa. Perspektivy* [Eastern Europe. Perspectives], no. 1—2, p. 165—179 (in Russ.).
23. Kuczyńska-Zonik, A. 2016, Antidiplomacy in Russia's Policies Regarding Russian-Speakers in the Baltic States, *Baltic Journal of Political Science*, December, no. 5, p. 89—104. doi: 10.15388/BJPS.2016.5.10338.
24. Persson, G. 2015, Russia and Baltic Sea security. In: Dahl, A.-S. (ed.) *Baltic Sea security. How can allies and partners meet the new challenges in the region?* p. 13—17.
25. Raik, K. 2016, Liberalism and geopolitics in EU—Russia relations: rereading the “Baltic factor”, *European Security*, Vol. 25, no. 2, p. 237—255. doi: 10.1080/09662839.2016.1179628.
26. Saari, S. 2014, Russia's Post-Orange Revolution strategies to increase its influence in Former Soviet Republics: Public diplomacy po russkii, *Europe-Asia Studies*, Vol. 66, no. 1, p. 50—66. doi: 10.1080/09668136.2013.864109.
27. Vitkus, G. 2009, Russian Pipeline Diplomacy: A Lithuanian Response, *Acta Slavica Iaponica*, Vol. 26, p. 25—46.
28. Achkasov, V. A. 2016, The role of the "image of the enemy" in the processes of ethno-political mobilization, *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLI-TEX], Vol. 12, no. 1, p. 106—128 (in Russ.).
29. Khudoley, K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 1, p. 4—16. doi: 10.5922/2079-8555-2016-1-1.
30. Ilyin, M. V. 2016, “Flaky Pastry” of Politics: Recipes and Improvisations, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 1, p. 88—103. doi: 10.17976/jpps/2016.01.07 (in Russ.).
31. Putin V. V. Interview to the international information holding Bloomberg, 2016, *President of Russia*, September 5, 2016, available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/52830> (accessed 13.04.2018) (in Russ.).
32. Solovyov, A. I. 2004, Political Discourse of Mediocracies: Problems of the Information Epoch, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 2, p. 124—132. doi: 10.17976/jpps/2004.02.12 (in Russ.).
33. Chugrov, S. V. 2016, Russian Politics through Prism of Sociological Measurements, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 5, p. 183—191. doi: 10.17976/jpps/2016.05.16 (in Russ.).
34. Joint Statement of the 22nd Baltic Council, 2016, *Baltic Assembly*, Riga, October 28, available at: http://www.baltasam.org/images/2016/Session/Joint-Statement_Baltic-Council_FINAL.pdf (accessed 13.04.2018).

35. Chugrov, S. V. 2015, Russia and Europe: Dialogue on Values in the Space of Civilization, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 4, p. 157—169. doi: 10.17976/jpps/2015.04.13_(in Russ.).
36. Conley, H. A., Gerber, T. P. 2011, *Russian soft Power in 21st century: an examination of Russian compatriot policy in Estonia*, Washington, Center for strategic & international studies, 45 p.
37. Vasilyeva, N. A., Kosov, Yu. V. 2017, Modern Hanseatic Trends in the Baltic Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 104—113. doi: 10.5922/2079-8555-2017-2-8.
38. Cornago, N. 2013, *Plural Diplomacies: Normative Predicaments and Functional Imperatives*, Leiden, Brill Publishers, 264 p.
39. Mihkelson, M. 2003, Baltic-Russian Relations in Light of Expanding NATO and EU, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, no. 2 (11), p. 270—277.
40. Janeliunas, T. 2016, Russia's Foreign Policy Scenarios: Evaluation by Lithuanian Experts, *Baltic Bulletin*, November, available at: <https://www.fpri.org/article/2016/11/russias-foreign-policy-scenarios-evaluation-lithuanian-experts/> (accessed 13.04.2018).
41. Sherr, J. 2013, *Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia's Influence Abroad*, London, Chatham House, 152 p.
42. Branka, T., Bernaciak, A. (eds) 2014, *Regional Development and the Baltic Sea Region*, The Baltic University Programme, Uppsala University, 170 p.
43. Fedotova, V. G. 2015, Distinctions of political cultures and the international conflicts, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 1, p. 44—54. doi: 10.17976/jpps/2015.01.05 (in Russ.).
44. Khaliy, I. A. 2017, Patriotism in Russia: the experience of typologization, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], no. 2, p. 67—74 (in Russ.).
45. Huhtinen, A. M. 2017, The Baltic Sea Region: From a Hinge Between Russia and the West to a Rhizomatic Information Channel. In: Makarychev, A., Yatsyk, A. (eds.). *Borders in the Baltic Sea Region*, Palgrave, London, 271 p. doi: 10.1057/978-1-352-00014-6.
46. Olaniyi, E. O., Prause, G. K. 2016, Baltic — Russian Innovation Cooperation in the Context of EU Eastern Partnership. In: Kerikmäe, T., Chochia, A. (eds.). *Political and Legal Perspectives of the EU Eastern Partnership Policy*, Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-319-27383-9_17.
47. Tsapenko, I. P., Monusova, G. A. 2017, Integration Capacity of Ethno-Cultural Diversity in European Societies, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 4, p. 90—105. doi: 10.17976/jpps/2017.04.07.
48. Konstantinov, S. A. 2009, History, concepts and technologies of education of patriotism and readiness to defend the fatherland, *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], no. 112, p. 29—36 (in Russ.).
49. Toshchenko, Zh. T. 2011, The post-Soviet space: how to live together, living apart, *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], no. 11 (77), p. 23—35 (in Russ.).
50. Sharkov, F. I. 2016, Visualization of Political Media Space, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 5, p. 97—107. doi: 10.17976/jpps/2016.05.08 (in Russ.).
51. Zdravomyslov, A. G. 2008, Triple interpretation of culture and the boundaries of sociological knowledge, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], no. 8, p. 3—18.
52. Fedorov, G. M., Razumovskiy, V. M., Kuznetsova, T. Yu., Gumeniuk, L. G. 2017, Population distribution and change in the coastal Baltic cities, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society], Vol. 149, no. 6, p. 14—24 (in Russ.).
53. Troitsky, V. A. 2009, Institutional mechanisms of interstate cooperation in the light of the changing geopolitical reality, *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], no. 104, p. 156—169 (in Russ.).
54. Balashov, A. I. 2016, Evaluation of the development prospects of the tourist destination of St. Petersburg, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], no. 5 (89), p. 75—80 (in Russ.).

The authors

Prof. Viktor P. Kirilenko, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: kirilenko-vp@sziu.ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Dr Georgiy V. Alexeyev, Associate Professor, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: alekseev-gv@sziu.ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3720-0105>

To cite this article:

Kirilenko, V. P., Alexeyev, G. V. 2018, Political technologies and international conflicts in the information space of the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 4, p. 20—38. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-2.